

Как только семена сомнения падают в почву, они незаметно пускают корни в трещинах сердца, питаюсь страхом и тревогой, и упорно идут в рост.

Линь Янь больше не хотел довольствоваться пассивным наблюдением. Он начал действовать, словно вор, крадущийся на цыпочках, и в той изысканной клетке, что выстроил для него Се Юньшэнь, принялся осторожно искать любые зацепки, которые могли бы указать на его прошлое. Он стал необычайно послушным: когда Се Юньшэнь занимался делами, Линь Янь больше не сжимался в комок на диване, погруженный в пустоту, а сам предлагал пойти в кабинет, чтобы почитать что-нибудь для души.

Се Юньшэнь, казалось, был только рад этому и даже лично порекомендовал ему несколько подходящих литературных произведений. Его теплый взгляд, обращенный на Линь Яня, был полон привычного снисхождения, словно он любовался тем, как домашний питомец с любопытством исследует знакомую территорию.

Однако целью Линь Яня были вовсе не красиво изданные томики классики. Его взгляд скользил по рядам книжных полок и в конце концов остановился на неприметном низком шкафчике в углу, где хранились старые газеты и подшивки журналов. Пылинки танцевали в луче света, пробивающемся сквозь щель в шторах, и в воздухе стоял характерный запах ветхой бумаги.

Сердце Линь Яня забилося чаще. Он присел на корточки и сделал вид, что просто перебирает бумаги. Большею частью это были экономические вестники или обзоры искусства за многие годы. Его пальцы касались пожелтевших, хрупких страниц, а взгляд лихорадочно бегал по плотным строчкам текста, выискивая слова, связанные с пожаром, южным районом или художниками.

Время тянулось в тишине, нарушаемой лишь шорохом переворачиваемых страниц. Чувство досады от безрезультатных поисков постепенно охватывало его. И когда он был уже готов сдаться, его внимание привлекла стопка старых газет, придавленная к самому дну и обернутая в простую крафтовую бумагу. Способ упаковки разительно отличался от аккуратно сложенных изданий — в нем чувствовалась какая-то нарочитая небрежность.

Затаив дыхание, он осторожно вытянул эту стопку.

Это были местные городские газеты десятилетней давности, раздел происшествий. Пальцы мелко дрожали от напряжения. Он переворачивал страницу за страницей, пока в нижней части одной из них его взгляд не наткнулся на заголовок — неприметный, но вполне четкий:

Пожар в жилом доме в старом районе на юге города, один человек погиб.

Статья была короткой, написанной в сухом, беспристрастном тоне. В ней описывались время и место пожара — старый жилой комплекс под названием Утунли. Предварительной причиной было названо замыкание старой электропроводки. На месте происшествия было обнаружено тело женщины, которая, как выяснилось, была владелицей квартиры — некая госпожа Линь

(профессия: художница). Обстоятельства пожара все еще расследовались.

Госпожа Линь... художница...

Время и место в точности совпадали с теми обрывочными сведениями, что он видел на форуме!

Кровь, казалось, ударила в голову, а в следующую секунду застыла в жилах. Линь Янь впился взглядом в эти холодные строки, в эту намеренно размытую фамилию, чувствуя, как воздух вокруг становится разреженным. Это не догадки и не слухи — это черным по белому напечатанный отчет! Женщина по имени Линь Вань действительно погибла в пожаре!

А как же он сам? Почему он стал сиротой? Как его прошлое связано с этим пожаром и с этой погибшей художницей?

Огромная тайна, подобно черной дыре, поглощала его, вызывая головокружение и тошноту.

— Нашел что-то интересное?

Мягкий голос раздался неожиданно, словно гром среди ясного неба.

Линь Янь от испуга едва не подпрыгнул, рука дрогнула, и стопка газет с шумом рассыпалась по полу. Он резко вскинул голову и увидел, что Се Юньшэнь уже стоит в дверях кабинета, опираясь на косяк и с улыбкой наблюдая за ним. Солнечный свет падал из-за его спины, очерчивая стройную фигуру, и лицо казалось неясным, но глаза, скрытые в тени, были по-прежнему отчетливо видны — в них читался пытливый, невыразимо глубокий смысл.

Когда он вернулся? Сколько успел увидеть?

Сердце Линь Яня бешено колотилось, готовое пробить грудную клетку. Он открыл рот, но не смог издать ни звука. Лицо его побелело, как лист бумаги.

Взгляд Се Юньшэня скользнул по разбросанным газетам и той самой статье, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Он неспешно подошел, наклонился и с грацией поднял газеты одну за другой, сложил их, как были, и вернул на дно шкафчика, словно убирал какую-то незначительную мелочь.

— Эти старые новости не стоят того, чтобы их читать, — он выпрямился, стряхнул с рук несуществующую пыль, и его тон был легким и естественным. Затем он протянул руку к Линь Яню ладонью вверх, приглашая его: — Дядя Чжоу приготовил твой любимый миндальный десерт, если не пойти сейчас, он остынет.

Его поведение было настолько обыденным и спокойным, словно открытие Линь Яня было всего

лишь пустяковой, давно забытой новостью.

Но чем спокойнее он был, тем сильнее становился холод в душе Линь Яня.

Он смотрел на эту протянутую руку с четко очерченными костяшками — руку, которая дарила ему столько тепла и утешения, а теперь казалась щупальцем из бездны. Он не шелохнулся, продолжая застывшим взглядом смотреть на Се Юньшэня.

Се Юньшэнь не торопил его, терпеливо ожидая с протянутой рукой. Улыбка на его губах не угасла, но глаза оставались подобны спокойному омуту, в котором невозможно прочесть ни единой эмоции.

В конце концов Линь Янь опустил ресницы, избегая этой руки, и сам поднялся с пола. Его голос прозвучал глухо, с едва уловимой дрожью:

— Я... я не голоден.

Сказав это, он почти сбежал из кабинета, оставив Се Юньшэня и его удушливую улыбку позади.

Се Юньшэнь смотрел на удаляющуюся фигуру юноши и медленно опустил зависшую в воздухе руку. Улыбка на его лице постепенно таяла, сменяясь глубоким спокойствием. Он подошел к шкафчику, посмотрел на сложенные газеты, и взгляд его стал ледяным.

Он наклонился, вытащил ту самую страницу с заметкой о пожаре, провел пальцем по фамилии Линь, а затем, не спеша, разорвал ее на мелкие клочки и бросил в шредер.

Аппарат издал низкий гул, поглощая бумажные обрывки, хранившие прошлое.

Его маленький волчонок, кажется, почуял запах, который не должен был учуять.

Впрочем, ничего страшного.

Се Юньшэнь развернулся и посмотрел в сторону комнаты Линь Яня. В глубине его глаз снова проступила та самая знакомая, нежная одержимость.

Он заделает все трещины и сотрет все следы. В его мире должны быть только он сам и его Янь-Янь.

Любой свет, пытающийся заглянуть извне, будет нежно погашен.

<http://bllate.org/book/18641/1795295>